Моск. новости. – 1997. – 6–13 июля. – с. 19

Николай Губенко: дар перевоплощения

По поводу нынешнего покраснения и некоторого покоричневения интеллигенции можно длинно теоретизировать, отыскивая этому явлению социальные предпосылки, вникая в его моральные мотивы, ссылаясь на мировые прецеденты и отвлекаясь на уникальный исторический опыт России. Но можно на него взглянуть сквозь призму отдельно взятой судьбы отдельного человека. Судьба и участь артиста, коммуниста и законодателя Николая Губенко – здесь, пожалуй, то, что надо с точки зрения как типичности, так и характерности.

В советскую пору Губенко прошел путь от детдомовца до министра. Ему ведомы и иные перепады судьбы.

Он был лучшим другом Юрия Любимова – стал его злейшим врагом; был человеком команды Горбачева – стал человеком свиты Зюганова.

Таков самый общий план биографии нашего героя. Теперь несколько укрупним его.

ЗИГЗАГИ ЕГО УДАЧИ

В середине 60-х он с теми, кто на фронте художественной культуры противостоял мертвечине советского режима. За ним – яркая роль в выпускном вгиковском спектакле «Карьера Артуро Уи». Студенческий спектакль стал тогда событием. И не только по причинам эстетического порядка. Уже в ту пору всякое убедительное антифашистское сочинение дуплетом почти автоматически попадало в советскую власть и в те порядки, что она завела.

Начинающему «антисоветчику» Губенко должна быть зачтена и работа в вольнодумном фильме Марлена Хуциева «Застава Ильича» (1966). Фильм сразу стал знаковым. Он оказался на пересечении оттепельных надежд и зимы тревоги российской интеллигенции. Фильм ненадолго положили на полку, потом порезали и выпустили в прокат.

Сам же Губенко очень скоро оказался в Театре на Таганке, который на протяжении почти двух десятков лет представлял собой один из немногих очагов открытого сопротивления дряхлеющему советскому режиму. Там он служил верным оруженосцем театрального Дон Кихота – Юрия Любимова до той поры, пока не ушел с головой в кино, чтобы самому испить чашу режиссерского донкихотства.

Она оказалась не слишком горькой. Вот вехи его творческого пути на этой стезе: «Пришел солдат с фронта» (1971), «Подранки»(1977), «Из жизни отдыхающих» (1980), «И жизнь, и слезы, и любовь» (1984), «Запретная зона» (1987).

Не все роли ему разрешалось играть в кино... Против образов блатных и жуликов особых возражений не было. Но вот факт: его сняли с роли советского разведчика в сериале «ТАСС уполномочен заявить...» С той роли, которую сыграл Юрий Соломин – еще один будущий министр культуры.

Гражданский реванш артист взял, приняв участие в работе над телевизионным документальным фильмом «Ленин. Страницы биографии», где он с выражением читал тексты устных и письменных выступлений вождя.

Поворотный V съезд кинематографистов наш герой встретил в стане демократов, и даже, можно сказать, в его президиуме – все два дня он восседал на сцене, победно поглядывая оттуда в зал. Но в руководящие органы Союза так и не прошел – его забаллотировали. Случилось это по не вполне очевидным причинам.

Спустя три года, в 1989-м, артист берет номенклатурный реванш – все-таки входит во власть, где становится министром культуры в правительстве Рыжкова при президенте Горбачеве, без отрыва от актерской работы в театре.

В августе 91-го ведет себя двусмысленно и после триумфа Ельцина «сосредотачивается» на актерской деятельности. Жизнь на Таганке достаточно быстро вскипает скандалом, расколовшим труппу. Губенко, который был инициатором и деятельным сторонником возвращения Юрия Любимова в страну, после 91-го возглавил бунт группы актеров против «блудного отца-основателя».

Роковой 93-й Губенко встречает в стане коммуно-патриотической оппозиции. Вскоре он – ее видный деятель; избирается в Госдуму по списку КПРФ. Из последних его громких акций – закон о реституции и организованный им конгресс патриотической интеллигенции, на котором он имел шумный успех как оратор.

Сегодня он снова в президиуме. Сегодня он опять министр культуры, пока еще, в теневом правительстве теневого премьера Рыжкова при теневом президенте Зюганове.

Таков в самых общих чертах контур его биографии. Но сюжет без подробностей кажется малодостоверным.

ЧАСТНОСТИ

На обсуждении фильма «Объяснение в любви» Губенко поздравил одного из прототипов главного героя Евгения Габриловича с созданием хорошей еврейской картины. Сделал он это сердечно, с доброй улыбкой. Случилось это в 1978 году. Классик советского кинематографа сценарист Габрилович пообещал руки не подавать своему молодому коллеге.

Хотя не исключено, что Губенко всего лишь хотел польстить национальным чувствам старого заслуженного кинематографиста. Что он вследствие своей природной тактичности оскорбления от поздравления не в силах отличить.

* * *

В советском кино, вероятно, не было фильма, который бы с большей теплотой и уважительностью поведал об увядающей старости, чем картина Николая Губенко «И жизнь, и слезы, и любовь».

Юрий ФЕКЛИСТОВ

Алексей САЗОНОВ

Старый друг и учитель Юрий Любимов для Николая Губенко хуже новых двух – Геннадия Зюганова и Махмуда Эсамбаева?

* * *

Его фильмы «Подранки» и «Из жизни отдыхающих» – объяснения если не в страстной любви к интеллигенции, то в глубоком к ней почтении.

* * *

Его картина «Запретная зона» – объяснение в злобной ненависти к интеллигенции.

* * *

К концу второго дня V съезда судьба старого правления Союза была предрешена. Как водится, надо было принимать резолюцию по отчетному докладу о проделанной работе. По обыкновению поступило предложение признать работу удовлетворительной. Слово взял Губенко: «Товарищи! Я считаю, что работу правления надо признать неудовлетворительной».

То было предложение ударить лежачего. Оно не прошло. И может быть, именно поэтому не прошел сам Губенко в новое правление...

* * *

По возвращении из изгнания Юрий Любимов нашел приют в доме Николая Губенко, где он и прожил некоторое время.

* * *

На письменном столе министра культуры Губенко стояла фотография Горбачевых с дарственными автографами четы. За спиной хозяина кабинета висел портрет Ленина.

МЕФИСТО

Самая существенная подробность его судьбы – его профессия. Он – актер, и этим как бы многое объясняется.

Артист – человек с десятками, а то и с сотнями лиц. Такая у него работа – сегодня быть убедительным негодяем, а завтра – достоверным благодетелем.

При взгляде со стороны, да еще с большого расстояния, актер – существо сверхъестественное. Даже мифическое. Как многоголовая гидра или дракон, пускай и укрощенные и даже одомашненные.

В основании любопытства публики к актерской касте – подсознательное ощущение, что это совершенно особенная людская порода.

Нина Заречная у Чехова, наблюдая вблизи известную артистку и знаменитого беллетриста, сильно удивлялась, увидев, что «они плачут, удят рыбу, играют в карты, смеются и сердятся, как все...»

Сколько ни являли СМИ и телевидение, в частности, доказательств, что актеры «как все, как все», а магия особости этого людского племени не рассеивается. И никогда не рассеется. И не будет этого по совершенно объективной и естественной причине: актер наделен от природы тем, чего нет у простых смертных, – даром перевоплощения.

Соблазн как-то приспособить его к достижению политических целей за пределами сцены и рамкой экрана всегда был достаточно велик. Не оттого ли и в советские строгие времена актеров, исполняющих роль вождя, сажали в президиумы торжественных собраний и партийных форумов... И случалось, что избирали в ЦК. Но в те годы всех наших доморощенных «мефисто» держали под контролем; им доверялись сугубо декоративные функции, еще им позволялось быть ходатаями по бытовым проблемам своих менее удачливых коллег.

При нынешнем игровом характере публичной общественной деятельности искус человека, отягощенного даром перевоплощения, переступить рампу, шагнуть в жизнь в гриме и костюме политика приобрел особо острую форму.

При этом надобно иметь в виду следующее.

По ту сторону рампы, в условном и вымышленном мире, артист – хозяин своего дара перевоплощения.

По эту, в реальности, – его заложник. Как Мефисто – персонаж из известного фильма.

Российская действительность с некоторым опозданием настигла художественный вымысел.

ПОД ЛЕНИНЫМ ЧИСТЯСЬ

Прикосновение Губенко к образу вождя оказалось, по наблюдениям коллег актера, роковым. Почти для всех актеров «шутки» с Лениным оборачивались творческим, а бывало и человеческим кризисом. В 60 – 70-е годы артисты к воплощению Ильича относились уже со здоровым цинизмом – в интервью говорили о высокой гражданской ответственности, в уме и разговорах не для печати – о званиях, премиях и иных привилегиях.

Судя по всему, встреча Губенко с Лениным была напрочь лишена такой меркантильной подоплеки.

Образ Ленина уже в застойные времена самым непосредственным образом вовлекался в борьбу за гуманизацию советского режима. Такими были спектакли у Олега Ефремова и Марка Захарова по пьесам Михаила Шатрова. Документальный сериал Виктора Лисаковича и Егора Яковлева был из их числа. Ленин с человеческим лицом Губенко стоял в первом ряду борцов за перестройку и либерально-демократические ценности.

Сегодня-то этот фильм воспринимается несколько иначе, чем на заре перестройки. Мы видим в нем беспощадную войну амбиций партийных честолюбцев, из которой победителем выходит один человек – конечно же, Ленин.

Гениальный вождь смотрится на экране гениальным интриганом с высокой техникой социальной демагогии и политического иезуитства.

Режиссер Виктор Лисакович свидетельствует, что согласился Губенко на роль не сразу, но, когда вошел во вкус ее, работал азартно. «У него поразительная память. Он буквально «фотографировал» целые страницы ленинского текста».

Рискну со своей стороны предположить: если что и увлекло артиста в Ленине, то вряд ли марксистско-пролетарское мировоззрение. Скорее всего, искусная словесная эквилибристика, тайна публицистической техники вождя.

...Уже на сцене Кремлевского Дворца Губенко, когда он обратился к съезду с предложением признать работу старого правления неудовлетворительной, смотрелся Лениным – те же повадки, те же интонации; только что грассирования не хватало.

СЫН КВАРТАЛОВ БРОНКСА

Я помню его начинающим актером. Помню его «Карьеру», где он сыграл Уи, в котором легко узнавался Гитлер. Играл он феерически талантливо. У него тогда были сильные конкуренты. В Ленинграде на сцене БДТ шла та же пьеса с польским актером Тадеушем Ломницким и нашим Евгением Лебедевым в главной роли. Было с кем сравнивать.

Его Уи – злобный патологический человеконенавистник и гость из ада не в первую очередь; в первую он – бешеный честолюбец, совершающий прыжок из пустоты и грязи в вожди и князи. Этот мотив, вероятно, и сообщил губенковскому Уи особую житейскую (а не просто историческую) убедительность.

Но в «Подранках» драма бездомности переплавлена в чистую лирику. Здесь болезненный маргинальный комплекс преодолен и побежден в положительном духе.

Между этими полюсами и укладывается биография подранка Губенко, в которой, смею утверждать, нет собственно идейных мотивов. Здесь не тот случай, когда человек по мере обретения жизненного опыта и обогащения своего мировоззренческого багажа меняет политические позиции – из либерала становится консерватором. Или наоборот.

Просто он всю свою сознательную жизнь находится в постоянном поиске крова и отеческой ласки: у демократов, интеллигентов, державников, евреев, антисемитов; у Любимова и у Проханова, у Горбачева и у Зюганова.

Так ведь то же самое примерно происходит и с постсоветской интеллигенцией. И она дитя кварталов Бронкса.

Она, как известно, дитя от брака двух идейных антагонистов – славянофильства и западничества. Брак, как мы знаем, был не очень счастливым. После гражданской войны российская интеллигенция совершенно осиротела и была отдана под надзор Революционному Сознанию. Воспитание оказалось суровым, но поверхностным.

После того как «воспитателю» была дана отставка, идейная маргинальность стала очевидной.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Нынче все при каждом удобном случае поминают Шарикова. Но ведь в русской литературе есть и другая, не менее знаменитая собака, участь которой столь же поучительна. Это Каштанка. Она воспитывалась у не всегда трезвого столяра. Тот ее сильно мучил, давая ей еду на ниточке, а потом вытягивал обратно. Но она была ему преданна.

Потом случилась в ее жизни радостная перемена – она попала в дом к хорошему интеллигентному человеку. Тот не только накормил ее, но и дал ей образование – сделал ее артисткой... Впрочем, едва она однажды услышала зов своего первого хозяина, как кинулась к нему, забыв все, в том числе и те страдания, что претерпела от него.

Юрий БОГОМОЛОВ